

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-25>
УДК/UDC 316.623, 159.923

Механизмы отчуждения моральной ответственности: априорная вероятность и личностные предикторы

Н.П. Ячmeneва¹, М.В. Балева²✉, С.Д. Корниенко¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация

✉ milenabaleva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Применяемые для защитного оправдания аморальных поступков механизмы отчуждения моральной ответственности (ОМО), с одной стороны, провоцируют неэтичное поведение, а с другой — препятствуют его прямой коррекции. Таким образом, исследование факторов, лежащих в основе данных механизмов, актуально как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Цель. В исследовании анализируются когнитивные и личностные факторы выбора стратегий (локусов) ОМО.

Выборка. В исследовании приняли участие 618 человек в возрасте от 17 до 52 лет ($M_{\text{возраст}} = 23,08$, $SD = 6,32$), из них 450 женщин; 410 человек — студенты разных вузов и специальностей, 208 — сотрудники предприятий и организаций разного профиля.

Методы. Сбор данных проводился с использованием валидных тестовых методик: Короткой шкалы отчуждения моральной ответственности, Короткого опросника темной тетрады, Опросника когнитивной и аффективной эмпатии и Краткой версии опросника эмоционального интеллекта.

Результаты. Обнаружено, что наиболее предпочитаемой стратегией ОМО является локус жертвы, а наименее предпочитаемой — локус искажения последствий поведения. Основными личностными предикторами ОМО выступают высокие значения психопатии и макиавеллизма, а также низкая эмпатия и слабая способность к распознаванию собственных чувств. Вклад

личностных свойств является наиболее значимым для интегративного показателя ОМО и его поведенческого локуса, а наименее значимым — для локуса актора (ситуативного оправдания аморальных поступков). Искажение образа жертвы лучше предсказывается «темными» чертами — психопатией и макиавеллизмом, чем низкой эмпатией и эмоциональным интеллектом. Наоборот, искажение последствий поведения лучше предсказывается когнитивной эмпатией и хуже — выраженностью «темных» черт.

Выводы. На основании полученных результатов можно заключить, что отчуждение моральной ответственности чаще всего проявляется через защитный механизм обвинения жертвы, что связано, по всей видимости, с большей когнитивной легкостью его формирования. Разные по силе и качеству вклады личностных черт, эмпатии и эмоционального интеллекта в отдельные локусы ОМО показывают, что поведенческий локус в большей степени обусловлен личностными чертами, локус актора — когнитивными особенностями, а локус жертвы определяется как личностными, так и когнитивными особенностями субъекта. Обнаруженные закономерности могут быть полезны в практической работе с убеждениями, оправдывающими аморальное поведение.

Ключевые слова: моральное отчуждение, темная тетрада, эмпатия, эмоциональный интеллект, когнитивные механизмы, личностные предикторы

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по государственному заданию РАНХиГС.

Для цитирования: Ячменева, Н.П., Балева, М.В., Корниенко, С.Д. (2025). Механизмы отчуждения моральной ответственности: априорная вероятность и личностные предикторы. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2). <https://doi.org/10.11621/LPJ-25>

Mechanisms of Moral Disengagement: Apriori Probability and Personality Predictors

Nadezhda P. Yachmeneva¹, Milena V. Baleva²✉,
Dmitry S. Kornienko¹

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

² Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

✉ milenabaleva@yandex.ru

Abstract

Background. Applied for defensive justification of immoral actions, the mechanisms of moral disengagement (MD), on the one hand, provoke unethical behaviour, and on the other hand, prevent its direct correction. Thus, the study of the factors underlying these mechanisms is relevant from both theoretical and practical points of view.

Objective. The aim of the study is to identify cognitive and personal factors in the choice of MD strategies (loci).

Study Participants. The study involved 618 respondents aged 17 to 52 years ($M = 23.08$; $SD = 6.32$), including 450 women; 410 are students from various universities and specialties, 208 are employees of enterprises and organizations of various profiles.

Methods. Data were collected using valid questionnaires: Short Scale of Moral Disengagement, Dark Tetrad Short Questionnaire, Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, and Short Form of the Emotional Intelligence Questionnaire.

Results. It was found that the most preferred MD strategy is the locus of victim, and the least preferred one is the disregard (or distortion) of the behaviour consequences locus. The main personality predictors of the MD are high values of psychopathy and Machiavellianism, as well as low empathy and a weak ability to recognize one's own feelings. The contribution of personality traits is most significant for the integrative indicator of the MD and its behavioral locus, and the least significant for the actor locus (situational justification of immoral acts). Distortion of the victim image is better predicted by the "dark" traits — psychopathy and Machiavellianism, than by low empathy and emotional intelligence. On the contrary, the distortion of the behaviour consequences is better predicted by cognitive empathy and worse by the expression of "dark" traits.

Conclusions. Based on the obtained results, it can be concluded that moral disengagement most often manifests itself through the defense mechanism of victim blaming, which is likely due to the greater cognitive ease of its formation. The contributions of personality traits, empathy and emotional intelligence to different loci of MD vary in strength and quality. Thus, the behaviour locus is determined to a greater extent by personality characteristics, the actor locus by cognitive qualities, and the victim locus is determined by both personality and cognitive peculiarities. The discovered patterns can be useful in practical work with beliefs that justify immoral behaviour.

Keywords: moral disengagement, dark tetrad, empathy, emotional intelligence, cognitive mechanisms, personality predictors

Funding. The article was prepared as a part of the research carried out on a state assignment from RANEPa.

For citation: Yachmeneva, N.P., Baleva, M.V., Kornienko, D.S. (2025). Mechanisms of moral disengagement: apriori probability and personality predictors. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2). <https://doi.org/10.11621/LPJ>

Введение

Когнитивный и поведенческий уровни готовности к моральному поведению образуют разные, не всегда соответствующие друг другу аспекты реальности, опосредованные механизмами отчуждения моральной ответственности (ОМО). Впервые эти механизмы были описаны в теории морального действия А. Бандуры. Он рассматривал мораль в двух аспектах — как установку и как реальное действие, которые могут противоречить друг другу (Bandura et al., 1996; Bandura, 2016). С помощью механизмов ОМО субъект способен избирательно соблюдать и нарушать моральные запреты, отчуждая, то есть не относя к себе, вредоносное содержание своего поведения. Это позволяет совершать неэтичные поступки, избегая диссонантных отношений внутри когнитивных схем и не испытывая негативных переживаний вины, стыда, гнева и др. Бандура относит механизмы ОМО к разным элементам системы аморальной интеракции: самому поведению, его последствиям, субъекту действия (актору) и объекту действия (жертве) (Ледовая и др., 2016; Moore, 2015). Именно эти элементы, по мнению автора, являются «точками приложения» (локусами) когнитивных искажений, ведущих к отчуждению моральной ответственности.

Поведенческий локус включает три механизма: моральное оправдание (moral justification), эвфимистический ярлык (euphemistic labelling) и выгодное сравнение (advantageous comparison). Моральное оправдание связано с подчеркиванием этического аспекта аморального поступка, его объяснением некой высшей целью, например, защитой слабого. Эвфимистический ярлык основан на речевой казуистике, то есть смягчении тяжести поступка за счет его переименования. Так, например, вместо «воровать» используется выражение «брать на время». Выгодное сравнение задействует эффект контраста: собственный аморальный поступок сравнивается с еще более тяжким или преподносится как частный случай некой глобальной тенденции.

Локус искажения последствий поведения (disregard or distortion of consequences) представляет собой самостоятельный механизм, направленный на обесценивание общего вреда аморального поведения.

Например, утверждается, что использование плагиата, искажение фактов или присвоение случайно выданной сдачи не причиняет страданий и не наносит никому конкретно большого вреда.

Локус актора (субъекта) включает два механизма: смещение ответственности (*displacement of responsibility*) и рассеивание ответственности (*diffusion of responsibility*). Первый предполагает перекладывание ответственности за аморальное действие на авторитетную фигуру или социальную роль, в рамках которой это действие осуществлялось. Второй оправдывает аморальный поступок тем, что так поступали все.

Локус жертвы (объекта) проявляется через механизмы дегуманизации (*dehumanization*) и атрибуции вины (*attribution of blame*). Дегуманизация проявляется в представлении жертвы как низшего, недостойного и даже опасного существа, нанесение ущерба которому несет благо обществу. Атрибуция вины предполагает инверсию ролей жертвы и агрессора, за счет чего аморальные действия трактуются как защита или ответ на провокацию.

Для более точного предсказания выбора той или иной стратегии морального отчуждения имеет смысл проанализировать предпочтение его локусов в связи с тремя факторами. Во-первых, следует опираться на априорную вероятность их предпочтения (Канеман, 2018), которая определяется экономией когнитивных усилий. Во-вторых, прогноз выбора стратегии может быть связан с диспозиционными характеристиками личности, имеющими отношение к социальному поведению. В данном контексте можно рассматривать черты личности, а также другие устойчивые личностные свойства. В-третьих, значимым прогностическим фактором являются особенности восприятия конкретной социальной ситуации. В настоящей статье мы рассматриваем разные стратегические локусы морального отчуждения с точки зрения первых двух факторов: (1) априорной вероятности их предпочтения (общего оценочного рейтинга), а также (2) их обусловленности рядом личностных свойств, которые имеют непосредственное отношение к моральному поведению. В качестве таковых анализируются черты темной тетрады, а также эмпатия и эмоциональный интеллект.

Механизмы морального отчуждения с точки зрения когнитивной простоты и сложности самооправдания

Поскольку аморальные поступки являются частью социального взаимодействия, их следует рассматривать и интерпретировать в

логике социально-перцептивного процесса и сопровождающих его феноменов. Несложно заметить, что описанные А. Бандурой локусы актора и жертвы соотносятся с двумя главными элементами структурной модели социальной перцепции — субъектом и объектом (Балева, 2024). Можно было бы ожидать, что лежащая в основе данных локусов ОМО логика заключается в преуменьшении или непризнании позитивных свойств и действий объекта, а также в самооправдывающем обнаружении таковых в собственной личности и действиях: «Он — плохой», «Я — хороший», «Его действия — неправильные», «Мои действия — правильные». Однако пристальный анализ содержания механизмов ОМО показывает, что это действительно только в отношении объекта (жертвы). Что касается оправдания себя (локус актора), входящие в его состав механизмы основываются на фиксации не личностных, а ситуативных причин аморальных поступков, которые делают их вынужденными. Такая асимметрия хорошо объясняется фундаментальной ошибкой атрибуции, которая связана с базовыми перцептивными закономерностями, проявляющимися в социальном взаимодействии: другой человек поступает так, потому что «он такой человек», а я поступаю так, потому что «таковы обстоятельства» (Росс, Нисбетт, 1999). Принимая во внимание содержательную специфику локуса актора, его следовало было бы назвать, скорее, «ситуативным». Вместе с тем оценка действий субъекта все же входит в состав механизмов ОМО, формируя, согласно А. Бандуре, два самостоятельных локуса. Не претендуя на опровержение корректности общепринятых терминов, отметим, что фактически моральное оправдание имеет в своей основе три главных локуса: объект (жертва), субъект (его поведение) и обстоятельства (ситуация). Рассмотрим эти локусы с точки зрения когнитивной легкости их выбора субъектом (Stanovich, West, 2002).

Можно предположить, что суждения оправдательного характера будут нацелены на те составляющие перцептивного поля, которые обладают большей заметностью и лучше поддаются дефиниции в терминах простых дихотомических, то есть предельно четких категорий типа «черный — белый», «свой — чужой», «большой — маленький» и т.п. В этом смысле приоритет будет отдан наименее абстрактным (наглядным) и поддающимся стереотипизации элементам поля. Этим критериям соответствует, прежде всего, объект (жертва). Являясь наиболее заметным элементом перцептивного поля взаимодействий (Jones, 1976), именно он выступает самым «перспективным кандидатом» на роль причины, объясняющей характер взаимодействия с ним.

Благодаря стереотипизации, одному из главных механизмов социальной перцепции, объект (другой человек) легко идентифицируется, прежде всего, в терминах простейших дихотомий «друг — враг», или «опасный — безопасный», и, будучи распознанным как «враг», автоматически наделяется целым рядом характеристик, оправдывающих и даже восхваляющих неэтичное, в том числе агрессивное поведение по отношению к нему.

Два других элемента коммуникативного акта — поведение субъекта и ситуация — характеризуются несколько большей сложностью когнитивной оценки. Разные аспекты ситуации обладают большей заметностью (наглядностью), чем поведение. Однако их многообразие и разнородность может оказывать зашумляющий эффект, который затрудняет однозначность их категоризации. В свою очередь, поведение, рассматриваемое в терминах совершаемых действий, обладает меньшей перцептивной заметностью, однако с большей легкостью категоризируется в терминах дихотомий (например, «защита — нападение», «сотрудничество — соперничество» и др.). Таким образом, можно предположить, что поведенческий и ситуативный локусы требуют сопоставимого уровня когнитивных усилий, который превосходит по энергозатратности усилия, необходимые для обвинения объекта (жертвы). В качестве эмпирического обоснования для выдвигаемой нами идеи можно сослаться на результаты ряда исследований (Молчанов, 2020; Молчанов, Алмазова, 2020; Молчанов и др., 2020), свидетельствующие о том, что механизмы дегуманизации жертвы и атрибуции вины занимают лидирующие позиции в иерархии предпочтений в подростковом и юношеском возрасте.

Таким образом, можно предположить, что с точки зрения когнитивной простоты стратегии (локусы) ОМО обладают разной априорной вероятностью, или легкостью активации. Более предпочитаемыми (легкими) являются механизмы, фокусирующиеся на объекте (жертве), а менее предпочитаемыми — механизмы, сфокусированные на оценке ситуации и поведения.

Моральное отчуждение и «темные» черты

«Темные» черты — макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм (Корниенко и др., 2022; Paulhus et al., 2021) не только связаны с антисоциальными и злонамеренными поведенческими паттернами, но и концептуально определяются через них. Значит ли это, что «темные» личности отличаются искаженным моральным сознанием, то есть глобально не оценивают аморальные действия как таковые?

Исследования демонстрируют, что это, скорее всего, не так. Например, М. Мошаген и его коллеги (Moshagen et al., 2020) эмпирически показывают, что моральное отчуждение и «темные» черты входят в один и тот же личностный конструкт, который они обозначают как фактор D (Dark factor). Он описывает «темный» фундамент личности, ядром которого является «общая тенденция к этически, морально и/или социально сомнительному поведению» (Moshagen et al., 2020, p. 660). Авторы отмечают, однако, что разные личностные свойства, образующие данный фактор, отражают индивидуальные стратегии аморального поведения, например: игнорирование (психопатия), удовольствие от страданий (садизм), злонамеренное провоцирование (макиавеллизм), а также убеждения, которые служат оправданием (моральное отчуждение).

Данные, полученные на разных выборках, отражают лишь частичные корреляции показателей темной тетрады с отчуждением моральной ответственности. Большинство из них относятся к психопатии, однако их размер является умеренным (Ледовая и др., 2015; Risser, Eckert, 2016). Корреляции морального отчуждения с макиавеллизмом характеризуются меньшей воспроизводимостью, а их размер также колеблется в диапазоне средних значений (Moore et al., 2012). Данные о связях морального отчуждения с садизмом еще более ограничены, и их также нельзя назвать тесными (Allen et al., 2022; Nocera et al., 2022). Связи морального отчуждения с нарциссизмом отличаются качественной спецификой. Из-за угрозы потери одобрения со стороны других антисоциальное поведение нарциссической личности может быть особенно тесно связано с такими эмоциями, как стыд и вина, что усиливает потребность в самооправдании. В то же время анализ Дж. Сийтсеми показывает, что, несмотря на связи нарциссизма и ОМО, нет убедительных данных о том, что оно опосредует связи нарциссизма с антисоциальным поведением (Sijtsema et al., 2019). В целом «темные» черты можно рассматривать как близкий, но не тождественный моральному отчуждению конструкт, который может влиять на выбор того или иного механизма ОМО, сдвигая априорные вероятности его выбора.

Эмпатия и эмоциональный интеллект как корреляты морального отчуждения

Черта эмпатии отражает способность воспринимать эмоции других людей и сопереживать им. Она включает в себя аффективный компонент, связанный с непосредственным «ощущением» эмоций,

и когнитивный компонент, связанный с их распознаванием и пониманием (Davis, 1983). Способность распознавать эмоции лежит и в основе эмоционального интеллекта (Гоулман, 2013), что делает его и эмпатию пересекающимися конструктами. Вместе с тем каждый из этих феноменов обладает и самостоятельным содержанием. Для эмоционального интеллекта — это контроль (включая саморегуляцию), а для эмпатии — это сострадание другому человеку. Способность распознавать эмоции других людей и сопереживать им является важным аспектом моральных мыслей и действий (Detert et al., 2008). Чувствительные к проявлениям эмоций люди лучше предсказывают, как их действия могут повлиять на других (Bandura, 1986). По мнению С. Мур и ее коллег, хорошо распознающие эмоции люди менее склонны к моральному отчуждению, поскольку такая тактика требует «игнорирования или искажения чувств других, их потребностей или точек зрения» (Moore et al., 2012, p. 8). Одновременно с этим некоторые авторы отмечают, что общие черты, лежащие в основе компонентов темной триады, отражают «как высокий уровень личного интереса, так и низкий уровень эмпатических качеств» (Jonason et al., 2009, p. 6). Эмоциональный интеллект обнаруживает отрицательные связи с «темными» чертами, однако результаты исследований отличаются некоторой противоречивостью, особенно в отношении нарциссизма (Jauk et al., 2016).

Целью настоящего исследования является анализ предпочтений в выборе стратегий (локусов) отчуждения моральной ответственности с точки зрения влияния фактора когнитивной простоты, а также обусловленность локусов ОМО релевантными личностными чертами.

В исследовании были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. В силу более выраженной когнитивной простоты более предпочитаемыми являются механизмы ОМО, сфокусированные на объекте (жертве), а менее предпочитаемыми — механизмы, сфокусированные на оценке ситуации (локус актора) и поведения субъекта (локус поведения).

2. Макиавеллизм, психопатия и садизм являются основными позитивными предикторами ОМО и его отдельных локусов.

3. Эмпатия и эмоциональный интеллект являются основными негативными предикторами ОМО и его отдельных локусов.

4. Локус объекта (жертвы) обнаруживает меньшую обусловленность личностными чертами, чем локусы поведения и актора (ситуации).

Выборка

В исследовании приняли участие 618 человек в возрасте от 17 до 52 лет ($M_{\text{возраст}} = 23,08$, $SD = 6,32$), из них 168 мужчин и 450 женщин. Из общего числа респондентов 410 человек — студенты разных вузов и специальностей, 208 — работающие на предприятиях и в организациях разного профиля; 271 человек проживает в Москве, 347 — в других крупных городах России.

Методы исследования

Сбор данных проводился с помощью платформы Online Test Pad с использованием Короткого опросника темной тетрады (Корниенко и др., 2022; Paulhus et al., 2021), Опросника когнитивной и аффективной эмпатии (Окатова, 2021; Reniers et al., 2011), Краткой версии опросника ЭМИн (Панкратова и др., 2022) и Короткой шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8 (Ледовая и др., 2016; Moore et al., 2012).

Короткий опросник темной тетрады является диагностическим инструментом для измерения «темных» черт личности по расширенной модели темной триады. Опросник включает 28 утверждений и позволяет измерить 4 шкалы: «Макиавеллизм», «Нарциссизм», «Психопатия» и «Садизм».

Опросник когнитивной и аффективной эмпатии нацелен на диагностику двух разных аспектов эмпатии — способности построить рабочую модель эмоциональных состояний других, а также способности проявлять сензитивность к чувствам других и разделять эти чувства. Опросник содержит 29 утверждений и позволяет измерить 5 первичных и 2 вторичных шкалы. Вторичная шкала «Когнитивная эмпатия» рассчитывается на основе двух первичных шкал: «Способность к децентрации» и «Склонность к децентрации». Вторичная шкала «Эмоциональная эмпатия» рассчитывается на основе трех первичных шкал: «Отзеркаливание эмоций», «Чувствительность к близким», «Общая чувствительность». В нашем исследовании в анализы включались только показатели двух вторичных шкал — «Когнитивная эмпатия» и «Эмоциональная эмпатия».

Краткая версия опросника ЭМИн предназначена для экспресс-оценки эмоционального интеллекта (ЭИ). Данный опросник включает 8 утверждений, которые позволяют измерить 4 первичных и 3 вторичных шкалы. Вторичная шкала «Внутриличностный ЭИ» включает первичные шкалы «Понимание своих эмоций» и «Управление своими

эмоциями». Вторичная шкала «Межличностный ЭИ» включает первичные шкалы «Понимание чужих эмоций» и «Управление чужими эмоциями». Вторичная шкала «Общий показатель ЭИ» включает все перечисленные первичные шкалы. В нашем исследовании использовались только две вторичных шкалы данной методики — «Внутриличностный ЭИ» и «Межличностный ЭИ».

Короткая шкала отчуждения моральной ответственности MD-8 предназначена для экспресс-оценки уровня отчуждения моральной ответственности (ОМО) и ее специфических механизмов. Шкала включает 8 утверждений, каждое из которых отражает уровень выраженности того или иного механизма: «Моральное оправдание», «Эвфимистический ярлык», «Выгодное сравнение», «Смещение ответственности», «Рассеивание ответственности», «Искажение последствий поведения», «Дегуманизация» и «Атрибуция вины». Помимо первичных показателей отдельных механизмов ОМО данная методика позволяет диагностировать вторичные показатели его локусов: «Поведенческий локус», «Локус актора» и «Локус жертвы». Показатель «Переформулирование последствий поведения», являясь первичным, содержательно соотносится тем не менее с самостоятельным локусом ОМО. В нашем исследовании использовались вторичные показатели локусов ОМО, первичный показатель «Переформулирование последствий поведения», рассматриваемый в качестве самостоятельного локуса, а также интегративный показатель ОМО, включающий все пункты методики и отражающий общий уровень морального отчуждения.

Анализ данных осуществлялся с помощью описательной статистики, t-критерия Стьюдента для зависимых выборок и регрессионного анализа в статистической программе JASP 0.18.1.

На первом этапе оценивались центральные тенденции измеряемых показателей. Дополнительно анализировались значения асимметрии и эксцесса, делался вывод о характере распределения показателей. На основе оценки средних значений показателей ОМО и их сравнения с помощью t-критерия делался вывод о его наиболее и наименее предпочитаемых стратегиях. На втором этапе осуществлялся анализ корреляций зависимых переменных (общего показателя ОМО, а также его 4 локусов) с независимыми переменными (показателями темной тетрады, эмпатии и эмоционального интеллекта). Независимые переменные, не обнаружившие статистически значимых взаимосвязей с зависимыми переменными, исключались из последующих анализов. На третьем этапе анализировались кор-

реляции отобранных независимых переменных между собой. Из дальнейших анализов исключались переменные, обнаружившие друг с другом корреляции на уровне $r > 0,50$. На четвертом этапе строились регрессионные модели, состав которых определялся на основании предварительно проведенных анализов. Полученные модели сопоставлялись друг с другом с точки зрения их статистической значимости и предсказательной способности.

Результаты исследования

Анализ распределения шкальных показателей диагностических методик показал удовлетворительные результаты. Значения асимметрии и эксцесса ($As < 2$, $Ex < 2$) свидетельствовали о нормальном распределении показателей (Наследов, 2008).

Описательная статистика механизмов и стратегий ОМО представлена в Таблице 1.

Таблица 1
Центральные тенденции и маркеры нормальности распределения показателей

Показатели диагности- ческих шкал	M	SE (M)	95 CI (M)		SD	Min	Max	As	Ex
			L	U					
Локус жертвы	3,29	0,06	3,17	3,40	1,42	1,00	7,00	0,15	-0,62
Локус поведения	2,64	0,05	2,55	2,73	1,11	1,00	7,00	0,68	0,57
Локус актора (ситуации)	2,54	0,05	2,44	2,63	1,18	1,00	7,00	0,60	-0,16
Локус искажения ПП	2,27	0,06	2,16	2,39	1,46	1,00	7,00	1,28	0,98
ОМО	2,73	0,04	2,66	2,80	0,92	1,00	6,63	0,54	0,26
Макиавеллизм	3,16	0,02	3,12	3,21	0,57	1,29	4,71	-0,15	0,08
Нарциссизм	3,07	0,03	3,02	3,12	0,63	1,14	5,00	0,04	0,22
Психопатия	2,38	0,03	2,33	2,43	0,63	1,00	4,86	0,74	1,03
Садизм	2,31	0,03	2,26	2,37	0,71	1,00	4,86	0,64	0,42
Когнитивная эмпатия	2,93	0,02	2,90	2,96	0,41	1,13	3,95	-0,37	0,83
Эмоциональная эмпатия	2,84	0,02	2,81	2,88	0,43	1,17	3,89	-0,16	0,07
Внутриличностный ЭИ	2,69	0,02	2,64	2,73	0,57	1,25	4,00	-0,11	-0,18
Межличностный ЭИ	2,85	0,02	2,81	2,89	0,51	1,00	4,00	-0,12	0,48

Примечание. Локус искажения ПП — Локус искажения (игнорирования) последствий поведения. В соответствии с ключом к MD-8, данная шкала рассчитывается на основании одного пункта и, строго говоря, не является шкалой. Ее включение в анализ обусловлено в большей степени концептуальными основаниями.

Table 1
Central tendencies and markers of normality for indicators

Diagnostic scales indicators	M	SE (M)	95 CI (M)		SD	Min	Max	As	Ex
			L	U					
Victim locus	3.29	0.06	3.17	3.40	1.42	1.00	7.00	0.15	-0.62
Behaviour locus	2.64	0.05	2.55	2.73	1.11	1.00	7.00	0.68	0.57
Actor (situation) locus	2.54	0.05	2.44	2.63	1.18	1.00	7.00	0.60	-0.16
Disregard of BC locus	2.27	0.06	2.16	2.39	1.46	1.00	7.00	1.28	0.98
Moral disengagement	2.73	0.04	2.66	2.80	0.92	1.00	6.63	0.54	0.26
Machiavellianism	3.16	0.02	3.12	3.21	0.57	1.29	4.71	-0.15	0.08
Narcissism	3.07	0.03	3.02	3.12	0.63	1.14	5.00	0.04	0.22
Psychopathy	2.38	0.03	2.33	2.43	0.63	1.00	4.86	0.74	1.03
Sadism	2.31	0.03	2.26	2.37	0.71	1.00	4.86	0.64	0.42
Cognitive empathy	2.93	0.02	2.90	2.96	0.41	1.13	3.95	-0.37	0.83
Emotional empathy	2.84	0.02	2.81	2.88	0.43	1.17	3.89	-0.16	0.07
Intrapersonal EI	2.69	0.02	2.64	2.73	0.57	1.25	4.00	-0.11	-0.18
Interpersonal EI	2.85	0.02	2.81	2.89	0.51	1.00	4.00	-0.12	0.48

Note. Disregard of BC locus — Disregard or distortion of behaviour consequences locus. According to the MD-8 key, this scale is calculated as a single item value and, strictly speaking, is not a scale. Its inclusion in the analysis is determined largely by common conceptual basis.

Данные описательной статистики показателей локусов ОМО свидетельствуют о том, что стратегии морального отчуждения по-разному оцениваются респондентами с точки зрения их приоритетности. Абсолютные значения средних оценок являются наиболее высокими для локуса жертвы ($M = 3,29$). Более низкие значения обнаруживаются для поведенческого ($M = 2,64$) и ситуативного ($M = 2,54$) локусов, а самое низкое значение — для локуса искажения последствий поведения ($M = 2,27$). Обнаруженные средние значения локусов ОМО сравнивались друг с другом с помощью t-критерия Стьюдента для зависимых групп. С учетом поправки Бонферрони значимыми признавались различия, которым соответствовало $p < 0,017$, а близкими к значимым — $p < 0,03$. Сравнительный анализ показал, что

предпочтение локуса жертвы является значимо более высоким, чем предпочтение поведенческого локуса ($t = 11,34, p < 0,001$) и локуса актора ($t = 11,91, p < 0,001$), в то время как различия в предпочтениях поведенческого локуса и локуса актора оказались статистически незначимыми ($t = 1,95, p > 0,03$). В свою очередь, предпочтение локуса актора локусу искажения последствий поведения также являлось статистически значимым ($t = 4,49, p < 0,001$). Важно отметить, однако, что среди отдельных стратегий морального отчуждения наименьший рейтинг был выявлен у «эвфимистического ярлыка» ($M = 1,81$), который относится к локусу поведения.

Для оценки сравнительной роли личностных факторов в выборе стратегий ОМО было построено 5 регрессионных моделей. В четырех из них зависимыми переменными выступили разные локусы ОМО, а в пятой модели — его суммарный показатель.

Сравнительные результаты анализа вкладов показателей темной тетрады, эмпатии и эмоционального интеллекта в разные локусы ОМО и его интегративный показатель представлены в Таблице 2.

Анализ статистической значимости моделей показал, что вклад личностных свойств в выбор локусов ОМО является наиболее значимым для интегративного показателя морального отчуждения (23% дисперсии) и его поведенческого локуса (23% дисперсии). Остальные локусы морального отчуждения в меньшей степени обусловлены личностными свойствами. Они объясняют лишь 16% дисперсии ло-

Таблица 2
Показатели значимости регрессионных моделей личностных предикторов локусов ОМО

Модели ОМО и его локусов	R	R ²	Скоррект. R ²	Ст. ошиб- ка оценки	F	p
Модель локуса искажения образа жертвы	0,40	0,16	0,15	1,31	18,96	< ,001
Модель поведенческого локуса	0,48	0,23	0,22	0,98	30,23	< ,001
Модель локуса актора (ситуации)	0,18	0,03	0,03	1,17	6,90	< ,001
Модель локуса искажения последствий поведения	0,33	0,11	0,10	1,38	12,83	< ,001
Модель интегративного показателя ОМО	0,47	0,23	0,22	0,82	29,57	< ,001

Table 2
Significance indicators for MD loci regression models (with personality predictors as independent variables)

Models of MD and its loci	R	R ²	Adjusted R ²	RMSE	F	p
Victim distortion locus model	0.40	0.16	0.15	1.31	18.96	< .001
Behaviour locus model	0.48	0.23	0.22	0.98	30.23	< .001
Actor (situation) locus model	0.18	0.03	0.03	1.17	6.90	< .001
Distortion of behaviour consequences locus model	0.33	0.11	0.10	1.38	12.83	< .001
Total MD model	0.47	0.23	0.22	0.82	29.57	< .001

куса жертвы, 11% локуса последствий поведения и 3% локуса актора (ситуации).

Анализ качественного состава моделей (Таблица 3) позволил определить значимые личностные предикторы для каждого локуса и интегративного показателя ОМО.

Важно отметить, что показатели коллинеарности всех моделей оказались удовлетворительными: толерантность > 0,70, VIF < 2,00. Это свидетельствует об уникальности вклада анализируемых личностных переменных в каждую модель.

Обсуждение результатов

Целью данного исследования являлся анализ факторов выбора стратегий ОМО. Мы предположили, что под влиянием фактора когнитивной легкости априорно наиболее предпочитаемым является локус жертвы (объекта), а предпочтения локусов актора (ситуации) и поведения, скорее всего, не обнаруживают значимых различий. Было обнаружено, что локус жертвы действительно является наиболее распространенной когнитивной стратегией отчуждения моральной ответственности. Степень его предпочтения статистически превышает выбор поведенческого и ситуативного локусов. Локус искажения последствий поведения, наоборот, является наименее предпочитаемым, его выбор имеет место значительно реже, чем выбор остальных локусов морального отчуждения. Это связано, вероятно, с необходимостью мысленного моделирования будущих событий, что сопряжено с большей неопределенностью по сравнению с вос-

Таблица 3
Состав значимых предикторов моделей ОМО

Модель	Независимые переменные ¹	β	t	p
Локуса искажения образа жертвы	Психопатия +	0,19	4,28	<0,001
	Макиавеллизм +	0,16	4,02	<0,001
	Эмоциональная эмпатия –	–0,14	–3,42	<0,001
	Когнитивная эмпатия –	–0,10	–2,40	<0,05
	Внутриличностный ЭИ –	–0,07	–1,70	<0,10
Локуса поведения	Психопатия +	0,26	6,36	<0,001
	Макиавеллизм +	0,20	5,29	<0,001
	Когнитивная эмпатия –	–0,10	–2,31	<0,05
	Внутриличностный ЭИ –	–0,07	–1,83	<0,10
Локуса актора (ситуации)	Внутриличностный ЭИ –	–0,10	–2,32	<0,05
	Когнитивная эмпатия –	–0,10	–2,31	<0,05
Локуса искажения последствий поведения	Когнитивная эмпатия –	–0,18	–3,98	<0,001
	Психопатия +	0,16	3,61	<0,001
	Нарциссизм +	0,11	2,47	<0,01
	Эмоциональная эмпатия –	–0,10	–2,36	<0,05
Интегративного отчуждения моральной ответственности	Психопатия +	0,24	5,83	<0,001
	Когнитивная эмпатия –	–0,18	–4,40	<0,001
	Макиавеллизм +	0,16	4,32	<0,001
	Эмоциональная эмпатия –	–0,12	–2,95	<0,001
	Внутриличностный ЭИ –	–0,10	–2,47	<0,01

приятием уже свершившихся фактов и, соответственно, большим когнитивным напряжением. Таким образом, выдвинутая нами первая гипотеза получила эмпирическую поддержку.

Результаты регрессионного анализа показали, что черты темной триады, эмпатия и внутриличностный эмоциональный интеллект наилучшим образом предсказывают общий уровень ОМО, а также его поведенческий локус. Можно заключить, что в целом отчуждение моральной ответственности возникает как следствие закрепленной привычки к неэтичному и манипулятивному поведению при от-

¹ Независимые переменные (предикторы) приводятся в порядке убывания значимости их вклада в ОМО. Знаки означают положительный (+) или отрицательный (–) статистически значимый вклад.

Table 3
Significant predictors of the MD models

Model	Independent variables ²	β	t	p
Victim distortion locus	Psychopathy +	0.19	4.28	<0.001
	Machiavellianism +	0.16	4.02	<0.001
	Emotional empathy –	–0.14	–3.42	<0.001
	Cognitive empathy –	–0.10	–2.40	<0.05
	Intrapersonal EI –	–0.07	–1.70	<0.10
Behaviour locus	Psychopathy +	0.26	6.36	<0.001
	Machiavellianism +	0.20	5.29	<0.001
	Cognitive empathy –	–0.10	–2.31	<0.05
	Intrapersonal EI –	–0.07	–1.83	<0.10
Actor (situation) locus	Intrapersonal EI –	–0.10	–2.32	<0.05
	Cognitive empathy –	–0.10	–2.31	<0.05
Distortion of behaviour consequences locus	Cognitive empathy –	–0.18	–3.98	<0.001
	Psychopathy +	0.16	3.61	<0.001
	Narcissism +	0.11	2.47	<0.01
	Emotional empathy –	–0.10	–2.36	<0.05
	Psychopathy +	0.24	5.83	<0.001
Total MD	Cognitive empathy –	–0.18	–4.40	<0.001
	Machiavellianism +	0.16	4.32	<0.001
	Emotional empathy –	–0.12	–2.95	<0.001
	Intrapersonal EI –	–0.10	–2.47	<0.01

существовании рефлексии в отношении как чувств другого человека, так и своих собственных. Таким образом, гипотезы 2 и 3 о качественных вкладах релевантных черт и свойств личности в ОМО получили подтверждение.

Анализ предсказательной способности и состава моделей разных локусов ОМО показал, что поведенческий локус наилучшим образом предсказывается релевантными личностными свойствами: в первую очередь — высокими значениями психопатии и макиавеллизма, а во вторую — низкими значениями эмпатии и эмоционального (вну-

² Independent variables (predictors) are listed in descending order of their contribution to the MD. Signs denote positive (+) or negative (–) statistically significant contribution.

триличностного) интеллекта. Это свидетельствует о том, что поведенческий локус обусловлен, скорее, устойчивыми поведенческими паттернами, чем уровнем сформированности навыков эмоциональной рефлексии.

Локус жертвы в меньшей степени определяется личностными свойствами, чем локус поведения. Этот результат был вполне ожидаемым (гипотеза 4). Вместе с тем оказалось, что вклад личностных свойств в локус жертвы более выражен, чем их вклад в локус актора (ситуации). По всей видимости, это объясняется тем, что фокусировка на жертве в большей степени связана с личностными диспозициями и индивидуальным опытом, чем фокусировка на элементах ситуации. Наоборот, выбор локуса актора определяется, скорее, конкретными обстоятельствами, чем личностными диспозициями. Это согласуется с классической дихотомией личностной и ситуативной обусловленности поведения (Росс, Нисбетт, 1999).

Анализ состава моделей локуса жертвы и локуса искажения последствий поведения свидетельствует о сущностно разных личностных предпосылках формирования данных защитных механизмов. Так, искажение образа жертвы является в большей степени следствием выраженности «темных» черт — психопатии и макиавеллизма и лишь во вторую очередь — низких навыков эмпатии и внутриличностного эмоционального интеллекта. Наоборот, искажение последствий аморального поведения является, прежде всего, следствием слабой развитости когнитивной эмпатии и лишь во вторую очередь — «темных» черт — психопатии и нарциссизма. Интересно отметить, что это единственный локус ОМО, предиктором которого выступает нарциссизм. Его вклад здесь, по-видимому, неслучаен, поскольку искажение последствий безнравственного поведения предполагает отрицание его негативных последствий и фокусировку на позитивных исходах, что, по всей видимости, свойственно личности нарциссического склада (Howard et al., 2022).

В качестве ограничений настоящего исследования следует признать достаточно разнородный по возрасту и статусу состав выборки, который затрудняет экстраполяцию полученных результатов на конкретную социальную группу.

Выводы

Исследование показало, что выбор конкретной защитной стратегии отчуждения моральной ответственности обнаруживает обусловленность когнитивными и личностными факторами:

1. Искажение образа жертвы является самой когнитивно простой и предпочитаемой стратегией оправдания аморальных поступков. Ее выбор, видимо, практически целиком обусловлен активизацией автоматического мышления и слабо поддается сознательной индивидуально-личностной коррекции. Стратегия искажения последствий поведения, наоборот, наименее распространена, поскольку ее реализация, вероятно, требует наибольших когнитивных усилий. Данная стратегия является, прежде всего, следствием слабой развитости когнитивной эмпатии, что открывает перспективы ее сознательной коррекции.

2. Личностными факторами отчуждения моральной ответственности выступают психопатия как повторяющаяся склонность совершать неэтичные поступки, макиавеллизм как склонность к манипулированию и принуждению, а также низкая эмпатия и слабая способность к распознаванию собственных чувств.

3. Разные локусы защитного отчуждения моральной ответственности обнаруживают разную степень обусловленности личностными чертами. В наибольшей степени личностная обусловленность характерна для искажения смысла аморальных поступков, а в наименьшей — для их оправдания ситуативными факторами.

Практическое применение

В целом наше исследование показывает, что развитие навыков когнитивной и эмоциональной эмпатии может выступать достаточно эффективной мишенью для повышения моральной ответственности личности. При этом локус искажения последствий поведения в большей степени поддается коррекции через развитие навыков фокусирования на чувствах другого человека. В меньшей степени развитие таких навыков способно повлиять на дегуманизацию жертвы и приписывание ей вины за полученный вред.

Список литературы

Балева, М.В. (2024). Функциональная динамика дихотомического пространства социальной перцепции: дисс. д-ра психол. наук. Санкт-Петербург.

Гулман, Д. (2013). Эмоциональный интеллект в бизнесе. Москва: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер».

Канеман, Д. (2018). Думай медленно, решай быстро. Москва: Изд-во «АСТ».

Корниенко, Д.С., Вязовкина, В.К., Горностаев, И.С. (2022). Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады». *Психологический журнал*, 43(5), 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>

Ледовая, Я.А., Боголюбова, О.Н., Тихонов, Р.В. (2015). Стресс, благополучие и Темная триада. *Психологические исследования*, 8(43), 5–27. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.521>

Ледовая, Я.А., Тихонов, Р.В., Боголюбова, О.Н., Казенная, Е.В., Сорокина, Ю.Л. (2016). Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения. *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*, (4), 23–39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402>

Молчанов, С.В. (2020). Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте. Кросс-культурный анализ. В кн.: *Ананьевские чтения — 2020: Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)*. Материалы междунар. науч. конф. (08–11 декабря, 2020 г.). Под ред. А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. (С. 89–90). Санкт-Петербург: Изд-во «Скифия-принт».

Молчанов, С.В. Алмазова, О.В. (2020). Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, (3), 147–165. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.07>

Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Пряжников, Н.С. (2020). Взаимосвязь способов морального самооправдания личности со склонностью к риску в подростковом возрасте. *Психологические исследования*, 13(74). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i74.162>

Наследов, А.Д. (2008). SPSS 15: Профессиональный статистический анализ данных. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Окатова, М.А. (2021). Апробация русскоязычной версии опросника когнитивной и аффективной эмпатии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(4), 685–699. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-685-699>

Панкратова, А.А., Корниенко, Д.С., Люсин, Д.В. (2022). Апробация краткой версии опросника ЭМИн. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(4), 822–834. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-4-822-834>

Росс, Л., Нисбетт, Р. (1999). Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».

Allen, J.J., Ash, S.M., Anderson, C.A. (2022). Who finds media violence funny? Testing the effects of media violence exposure and dark personality traits. *Psychology of Popular Media*, 11(1), 35–46. <https://doi.org/10.1037/ppm0000296>

Bandura, A. (1986). Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall Publ. <https://doi.org/10.4135/9781446221129.n6>

Bandura, A. (2016). *Moral Disengagement: How people do harm and live with themselves*. New York: Worth Publishers Publ.

Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V., Pastorelli, C. (1996). Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(2), 364–374. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.364>

Davis, M.H. (1983). Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(1), 113–126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>

Detert, J.R., Treviño, L.K., Sweitzer, V.L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: A study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93(2), 374–391. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.93.2.374>

Howard, M., Forde, W., Whitmore, J., Lambert, E.V.Z. (2022). “I alone can fix it”: is social courage a bright side of narcissism? *Journal of Organizational Effectiveness People and Performance*, 9(4), 692–723. <https://doi.org/10.1108/JOEPP-01-2021-0011>

Jauk, E., Freudenthaler, H.H., Neubauer, A.C. (2016). The Dark Triad and trait versus ability emotional intelligence: Emotional darkness differs between women and men. *Journal of Individual Differences*, 37(2), 112–118. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000195>

Jonason, P.K., Li, N.P., Webster, G.D., Schmitt, D.P. (2009). The dark triad: Facilitating a short-term mating strategy in men. *European Journal of Personality*, 23(1), 5–18. <https://doi.org/10.1002/per.698>

Jones, E.E. (1976). How do people perceive the causes of behavior? *American Scientist*, 64(3), 300–305.

Moore, C. (2015). Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology*, 6, 199–204. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.07.018>

Moore, C., Detert, J.R., Baker, V.L., Mayer, D.M. (2012). Why employees do bad things: Moral disengagement and unethical organizational behavior. *Personnel Psychology*, 65(1), 1–48. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x>

Moshagen, M., Zettler, I., Hilbig, B.E. (2020). Measuring the dark core of personality. *Psychological Assessment*, 32(2), 182–196. <https://doi.org/10.1037/pas0000778>

Nocera, T.R., Dahlen, E.R., Mohn, R.S., Leuty, M.E., Batastini, A.B. (2022). Dark personality traits and anger in cyber aggression perpetration: Is moral disengagement to blame? *Psychology of Popular Media*, 11(1), 24–34. <https://doi.org/10.1037/ppm0000295>

Paulhus, D.L., Buckels, E.E., Trapnell, P.D., Jones, D.N. (2021). Screening for dark personalities: The Short Dark Tetrad (SD4). *European Journal of Psychological Assessment*, 37(3), 208–222. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000602>

Reniers, R.L., Corcoran, R., Drake, R., Shryane, N.M., Völlm, B.A. (2011). The QCAE: A questionnaire of cognitive and affective empathy. *Journal of Personality Assessment*, 93(1), 84–95. <https://doi.org/10.1037/t08053-000>

Risser, S., Eckert, K. (2016). Investigating the relationships between antisocial behaviors, psychopathic traits, and moral disengagement. *International Journal of Law and Psychiatry*, (45), 70–74. <https://doi.org/10.1016/j.jlpl.2016.02.012>

Sijtsema, J.J., Garofalo, C., Jansen, K., Klimstra, T.A. (2019). Disengaging from evil: Longitudinal associations between the Dark triad, moral disengagement, and antisocial behavior in adolescence. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 47(8), 1351–1365. <https://doi.org/10.1007/s10802-019-00519-4>

Stanovich, K.E., West, R.F. (2002). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? In: T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman, (eds.). *Heuristics and biases: The psychology of intuitive judgment*. (pp. 421–440). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808098.026>

References

Allen, J.J., Ash, S.M., Anderson, C.A. (2022). Who finds media violence funny? Testing the effects of media violence exposure and dark personality traits. *Psychology of Popular Media*, 11(1), 35–46. <https://doi.org/10.1037/ppm0000296>

Baleva, M.V. (2024). Functional dynamics in the dichotomous space of social perception). Diss. Dr. Sci. (Psychol.). St. Petersburg. (In Russ.)

Bandura, A. (1986). Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall Publ. <https://doi.org/10.4135/9781446221129.n6>

Bandura, A. (2016). *Moral Disengagement: How people do harm and live with themselves*. New York: Worth Publishers Publ.

Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V., Pastorelli, C. (1996). Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(2), 364–374. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.364>

Davis, M.H. (1983). Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(1), 113–126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>

Detert, J.R., Treviño, L.K., Sweitzer, V.L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: A study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93(2), 374–391. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.93.2.374>

Goulman, D. (2013). *Working with Emotional Intelligence*. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber Publ. (In Russ.)

Howard, M., Forde, W., Whitmore, J., Lambert, E.V.Z. (2022). “I alone can fix it”: is social courage a bright side of narcissism? *Journal of Organizational Effectiveness People and Performance*, 9(4), 692–723. <https://doi.org/10.1108/JOEPP-01-2021-0011>

Jauk, E., Freudenthaler, H.H., Neubauer, A.C. (2016). The Dark Triad and trait versus ability emotional intelligence: Emotional darkness differs between women and men. *Journal of Individual Differences*, 37(2), 112–118. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000195>

Jonason, P.K., Li, N.P., Webster, G.D., Schmitt, D.P. (2009). The dark triad: Facilitating a short-term mating strategy in men. *European Journal of Personality*, 23(1), 5–18. <https://doi.org/10.1002/per.698>

Jones, E.E. (1976). How do people perceive the causes of behavior? *American Scientist*, 64(3), 300–305.

Kahneman, D. (2018). *Thinking, fast and slow*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)

Kornienko, D.S., Vyazovkina, V.K., Gornostaev, I.S. (2022). Adaptation and Psychometric Properties of the Dark Tetrad Short Questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 43(5), 87–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>

Ledovaya, Y.A., Bogolyubova, O.N., Tikhonov, R.V. (2015). Stress, Well-being and the Dark Triad. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 8(43), 5–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.521>

Ledovaya, Y.A., Tikhonov, R.V., Bogolyubova, O.N., Kazennaya, E.V., Sorokina, Y.L. (2016). Moral Disengagement: the Psychological Construct and its Measurement. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, (4), 23–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402>

Molchanov, S.V. (2020). Peculiarities of the use of moral self-justification mechanisms in adolescence. Cross-cultural analysis. In: A.V. Shaboltas, E.L. Soldatova, (eds.). *Ananyev Readings — 2020: Psychology of Service Activity: Achievements and Development Prospects* (in honor of the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945). International Scientific Conference (December 8-11, 2020). (pp. 89–90). St. Petersburg: Skifiya-Print Publ. (In Russ.)

Molchanov, S.V., Almazova, O.V. (2020). Peculiarities of moral disengagement mechanisms realization in adolescence. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 147–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.07>

Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Pryazhnikov, N.S. (2020). Interaction of moral disengagement mechanisms and risk appetite in adolescence. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 13(74). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i74.162>

Moore, C. (2015). Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology*, 6, 199–204. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.07.018>

Moore, C., Detert, J.R., Baker, V.L., Mayer, D.M. (2012). Why employees do bad things: Moral disengagement and unethical organizational behavior. *Personnel Psychology*, 65(1), 1–48. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x>

Moshagen, M., Zettler, I., Hilbig, B.E. (2020). Measuring the dark core of personality. *Psychological Assessment*, 32(2), 182–196. <https://doi.org/10.1037/pas0000778>

Nasledov, A.D. (2008). SPSS 15: Professional statistical data analysis. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Nocera, T.R., Dahlen, E.R., Mohn, R.S., Leuty, M.E., Batastini, A.B. (2022). Dark personality traits and anger in cyber aggression perpetration: Is moral disengagement to blame? *Psychology of Popular Media*, 11(1), 24–34. <https://doi.org/10.1037/ppm0000295>

Okatova, M.A. (2021). Approbation of the Russian Version of the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(4), 685–699. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-685-699>

Pankratova, A.A., Kornienko, D.S., Lyusin, D. (2022). Short Form of the EmIn Questionnaire. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 19(4), 822–834. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-4-822-834>

Paulhus, D.L., Buckels, E.E., Trapnell, P.D., Jones, D.N. (2021). Screening for dark personalities: The Short Dark Tetrad (SD4). *European Journal of Psychological Assessment*, 37(3), 208–222. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000602>

Reniers, R.L., Corcoran, R., Drake, R., Shryane, N.M., Völlm, B.A. (2011). The QCAE: A questionnaire of cognitive and affective empathy. *Journal of Personality Assessment*, 93(1), 84–95. <https://doi.org/10.1037/t08053-000>

Risser, S., Eckert, K. (2016). Investigating the relationships between antisocial behaviors, psychopathic traits, and moral disengagement. *International Journal of Law and Psychiatry*, (45), 70–74. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2016.02.012>

Ross, L., Nisbett, R. (1999). The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Sijtsema, J.J., Garofalo, C., Jansen, K., Klimstra, T.A. (2019). Disengaging from evil: Longitudinal associations between the Dark triad, moral disengagement, and antisocial behavior in adolescence. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 47(8), 1351–1365. <https://doi.org/10.1007/s10802-019-00519-4>

Stanovich, K.E., West, R.F. (2002). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? In: T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman, (eds.). *Heuristics and biases: The psychology of intuitive judgment*. (pp. 421–440). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808098.026>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Надежда Павловна Ячmeneва, старший преподаватель кафедры общей психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация, yachmeneva-np@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-6945>

Милена Валерьевна Балева, доктор психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация, mlenabaleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>

Дмитрий Сергеевич Корниенко, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация, kornienko-ds@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda P. Yachmeneva, Senior Lecturer at the General Psychology Department, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, yachmeneva-np@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-6945>

Milena V. Baleva, Dr. Sci. (Psychol.), Associate Professor at the General and Clinical Psychology Department, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, milenabaleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>

Dmitry S. Kornienko, Dr. Sci. (Psychol.), Professor of the General Psychology Department, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, kornienko-ds@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Поступила 06.11.2024. Получена после доработки 03.03.2025. Принята в печать 17.03.2025.

Received 06.11.2024. Revised 03.03.2025. Accepted 17.03.2025.